

Берендеев В.А.¹, Кудрина А.А.², Набатов Г.В.³, Рыбкина О.С.⁴, Устюхова Н.Н.⁵ ©

¹К.и.н., ст. преподаватель кафедры теории политики и коммуникаций;

²студент Института международных отношений и мировой истории;

³д.и.н., профессор кафедры теории политики и коммуникаций;

⁴к.полит.н., доцент кафедры управления и маркетинга, Нижегородский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ⁵зам. декана факультета физической культуры и спорта, ст. преп. кафедры организации физкультурно-спортивной деятельности,

^{1,2,3,5}Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ПАТРИОТИЗМ VS РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация

В статье рассмотрена проблема соотношения патриотизма и русского национализма в современной российской политической сфере. Выявлены ключевые противоречия между сторонниками первого, выступающими за создание великой державы и опирающимися на преемственность с досоветской Россией и СССР, и адептами второго, ратующими за создание некоего русского национального государства. Проанализирована специфика развития патриотической идеологии в нашей стране за последние 20 с небольшим лет, связанная как с деятельностью власти, так и организаций оппозиционной направленности. Обозначены причины наиболее значимых противоречий между ними, включая идею, исповедуемую частью адептов русского национализма об антирусском характере российской государственности и напроць отрицаемую всеми российскими патриотами.

Ключевые слова: патриотизм, национализм, кляйн-национализм, духовные скрепы, радикальная оппозиция.

Keywords: patriotism, nationalism, Klein-nationalism, spiritual buckles, radical opposition.

Политические события в Российской Федерации в последние годы способствуют активизации дискуссии, в том числе и в научном сообществе, о сущности патриотизма. В самом деле, само по себе это понятие обозначает «эмоциональное отношение к родине, выражающееся в готовности служить ей и защищать её от врагов» [11, с. 247]. Отметим также, что многоаспектный характер понятийного объема понятия «патриотизм» обуславливает следующие его проявления:

– пространственно-территориальные: государственный патриотизм по отношению к стране и региональный патриотизм по отношению к малой родине (например, к селу, городу, району, области, краю, республике);

– аспектно-ориентированное: политический, экономический, социальный, культурный, экологический патриотизм;

– временное: культурно-исторический патриотизм [6, с. 26].

В целом же, по нашему мнению, патриотизм есть прежде всего любовь к своему государству, то есть к политикам, аттестующим себя русскими патриотами, следует причислить тех, кто а). признаётся в любви к России и б). считает Россию страной, являющейся воплощением русского национального духа. Отметим, что понятие «национализм» никак не является синонимом понятию «патриотизм». Верным следует признать тезис британского социального антрополога, профессора из Кембриджа Эрнеста Геллнера и американского политолога, профессора из Висконсина Дэвида Роули, понимавших под национализмом «...политический принцип, в соответствие с которым политическое и национальное целое должны совпадать...» [7, с. 219]. Отметим также, что именно нация, с точки зрения националистов, должна быть главным субъектом политики. В российских реалиях далеко не все политики, позиционирующие себя в качестве русских националистов, готовы признать Россию государством именно русского народа. Они исходят из идеи о том, что РСФСР, границы которой почти полностью совпадают с границами нынешней Российской Федерации, являлась во многом искусственно созданным территориальным образованием и представляла собой не столько собственно земли, издавна заселённые русскими людьми – в самом деле, идея создания Русской республики была торпедирована [2, с. 244], а исконно русские территории – Восточная Украина, Крым, Южные Урал и Сибирь, Нарва – не вошли в состав РСФСР, зато в ней наличествовали Северный Кавказ и Тува, на большей части которых русские и русскоязычные жители численно отнюдь не доминировали, сколько частью СССР, не входившую в состав других союзных республик [15, с. 210]. Кроме того, представителями современного русского национализма часто подчёркивается, что в российской Конституции ничего не говорится о русском народе как государство образующем, речь лишь идёт о некоем многонациональном народе России. Как следствие, часть русских националистов даже встаёт на антипатриотические позиции, обосновывая их антирусским характером современного российского государства.

Нельзя также не отметить, что у нас в стране в последние несколько десятилетий обращение к проблеме патриотизма вызвало бурные дискуссии. Их примером может быть полемика по вопросу, например, о том являлся ли В.И. Ленин патриотом или же нет, поскольку в годы I Мировой войны он желал поражения российскому самодержавию и, следовательно, Российской империи. Другой пример – можно ли признать патриотом генерала А.А. Власова, воевавшего против СССР за антибольшевистскую Россию и клявшегося в любви к последней. И таких примеров последние 20 с небольшим лет накопилось ввиду сложностей политического развития страны немало.

Как уже отмечалось нами выше, патриотизм немислим без уважительного отношения к прошлому своей страны, к её культурных и духовно-нравственным ценностям. Однако нельзя не признать, что под влиянием ряда факторов, в том числе и экономических, повседневная жизнь населения существенно трансформируется, в результате чего меняется и отношение и к вековым устоям. Как следствие, при определении сути патриотизма на современном этапе ни в коем случае не следует впадать в догматизм, поскольку игнорируя диалектику развития можно с лёгкостью дискредитировать само понятие «патриотизм», а также «оттолкнуть» ряд слоёв и социальных групп, отказав им в праве на патриотизм.

Подчеркнём, что мода на тотальное отрицание советского прошлого

ушла в небытие, а вырванная из контекста фраза С. Джонсона о том, что «Патриотизм – последнее убежище для негодяев», является уделом политических маргиналов, имеющих считанное число сторонников, а отмечавшаяся ранее мода на отказ от патриотизма, ушла в прошлое [14, с. 53]. Тем не менее, процесс вытеснения национальной философии не мог не сказаться на национальной культуре. Вместе с философией оказались вытесненными на периферию понятия, несущие фундаментальный смысл русскости, мировоззренческое содержание национальной идентификации народа – «русский дух», «русская душа», «русский характер» и т.п. Ряд современных исследователи русской духовности, такие как И.Ф. Гончаров, А.А. Корольков, Н.Д. Никандров и другие, сетуют по поводу того, что до сих пор с трудом входят в речевой оборот словосочетания «русская школа», «русская педагогика», «русское образование». В силу определенных причин эти понятия оказались нагруженными негативно несвойственными им смыслами великодержавности, шовинизма, национализма и др. [3, с. 13].

Нельзя не признать, что русская философия – это самоценное, самодостаточное духовное явление в мировой культуре, возникшее и сформировавшееся как самопознание русского народа, его культуры, образа жизни на многовековом историческом пути. Если восточная философия – это мудрость, западная – рационализм, дискурс, логика, то русская – именно духовность [3, с. 14]. Именно последняя является стержнем русской национальной идеи.

Универсальной идеей, способной наполнить жизнь реальным и ясным смыслом является именно национальная идея [10, с. 571]. Большинство исследователей рассматривают патриотизм как основание российской национальной идеи, призванной служить объединению, управлению и упрочению всего российского общества. Ещё одним важным моментом является то, что Российская многонациональная цивилизация с её традициями соборности, коллективной взаимопомощи может внести реальный вклад в разработку норм межнациональных отношений на основе взаимопомощи народов в будущем [10, с. 573]. Совершенно очевидно, что наше общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории» [5, с. 12].

Активное формирование русской патриотической идеологии велось в последние годы в рамках державнических организаций, возникших как ответ на усилившиеся центробежные тенденции в СССР. Те структуры объединяли в своих рядах как патриотов-государственников, настороженно относившихся к коммунистической идеологии, так и коммунистов [19, с. 279, 282]. Активисты тех организаций декларировали, что их объединяло признание приоритета государственных интересов на всеми остальными – классовыми, этническими, корпоративными [13, с. 87]. Впоследствии, уже после распада СССР, эту же линию развития патриотической идеологии продолжила объединённая право-левая оппозиция, особенно Фронт национального спасения, а затем уже после 1993 года КПРФ. Адепты последних двух структур разделяли мнение, согласно которому следовало осуществить своеобразный синтез русской идеи и коммунизма, ценностей державности и марксизма-ленинизма. Ныне это положение разделяет едва ли не большинство современных российских

консерваторов [17, с. 54].

Первой попыткой действующей власти вновь выработать национальную идеологию стал призыв Б.Н. Ельцина в 1996 г. создать объединяющую нацию идею. Однако поставленная задача оказалась весьма непростой. Осложнялась она тем, что не была актуализирована некая объединяющая, стержневая идея, вокруг которой могли бы концентрироваться прочие идеологические наработки [16, с. 394]. Впрочем, нельзя не признать, что к этому времени Б.Н. Ельцин и его либеральное окружение рассматривалось большинством россиян отнюдь не в качестве патриотов – мало того, обвинения главы государства в предательстве национальных интересов (часто употреблялся термин «власовщина») были скорее нормой, нежели исключением из правил. Как следствие, призыв выработать национальную идею в те годы остался не услышанным широкой общественностью.

Уже в 2000-е своеобразная «монополия» оппозиции (имеются в виду прежде всего КПРФ и ЛДПР) на патриотизм в России закончилась, поскольку действующая власть в лице президента В.В. Путина и его окружения стала не только декларировать патриотические установки, но также и претворять их в жизнь, особенно во внешнеполитической сфере. Кроме того, была начата кампания по усилению патриотизма среди населения страны – так, была принята государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы», а затем и аналогичные программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» и «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы». Третья, ныне действующая Программа, имеет основной целью дальнейшее развитие и совершенствование системы патриотического воспитания и формирования патриотического сознания российских граждан как важнейшей ценности, одной из основ духовно-нравственного единства общества [5, с. 13]. Таким образом, стимулирование государственного патриотизма и поиски «национальной идеи» в последние 10 с небольшим лет свидетельствуют об осознании властью невозможности дальнейшего игнорирования национальной онтологии и попытках ее использования [20, с. 37].

Атака внесистемной оппозиции на власть, начавшаяся ещё в марте 2010 г. [9, с. 114] и перешедшая в активную фазу в конце 2011 года и продолжающая по сей день ведётся, в том числе и с позиции защиты интересов русского народа. Основой для атаки на действующую власть с русских позиций является уже упомянутая нами выше идея о современной России как если не антирусском государстве, то как минимум о государстве, в котором интересы русского этноса учтены в недостаточной степени. Лозунги «Русские против Путина» и «Хватит кормить Кавказ!» являются яркими примерами такого рода линии. Отметим, что отстаивают их те последователи русского национализма, который в европейских странах принято называть «кляйн-национализмом», и который предполагает отказ России от имперско-державной роли [1, с. 31]. Можно, разумеется, указать, что такого рода лозунги не новы – так, ещё в начале 1990-х годов имелись сторонники Республики Русь, выдвигавшие идеи о создании русского моноэтнического государства на базе РСФСР, но без включения в состав их гипотетической страны национальных республик. Впрочем, нельзя не отметить, что те адепты русского государства мало того, что были крайне малочисленны, не получили никакой поддержки от русских национал-

патриотов, поскольку русская национал-патриотическая идеология в тот период строилась исключительно на базе идеи «единой, неделимой России» [18, с. 165].

Таким образом, следует признать, что в рамках русского национально-патриотического движения наряду с многочисленными сторонниками усиления страны наличествуют и сторонники её ослабления и даже расчленения. Идея о том, что Россия в силу особенностей исторического развития, протяженности границ и размера территории, многонационального и поликонфессионального состава, нуждается в некой объединяющей идее, разделяемой большей частью общества [16, с. 393], напрочь отрицается последними. Ответом на такого рода действия и стали выступления В.В. Путина, посвящённые духовным скрепам, объединяющим страну. В частности, в послании Федеральному собранию 12 декабря 2012 года он отметил, что «нужно восполнить этот самый «дефицит», скрепить «расшатавшиеся» за последние десятилетия основы государственности. И этими скрепами должны стать: «ответственность», «гражданственность», «духовность»» [12, с. 2].

Само слово «скрепы» до 2012 года было мало употребимым в русском разговорном языке. Оно обозначает то, что скрепляет одно с другим. Синонимами к слову «скрепы» в русском языке являются: «узы», «связи», «оковы», «цепи», «путы», «обручи». А «духовные скрепы» – это образное выражение, наполняющее новыми смыслами слово «скрепы», означающими то, что упрочивает связи, отношения, узы между людьми, причем связи социальные [8, с. 66] (возможно, что последней, кто активно использовал до 2012 года понятие «духовные скрепы» была А.М. Коллонтай).

Нельзя не отметить, что духовные скрепы не являются проявлением архаики и ни в коем случае не противоречат идее гражданского общества. Скорее они представляют собою необходимый российскому обществу идеологический базис, на котором будет строиться самоопределение российской нации как единственного источника власти в нашей стране [4, с. 106].

Отрицательное отношение существенной части адептов русского национализма к российской государственности, казавшееся немыслимым в реалиях 1990-х годов, к началу 2010-х годов стало свершившимся фактом, причём не имеющим аналогов в мире – в самом деле, представить себе последователя французского «Национального фронта», выступающего за выход части Франции (например, Корсики) из состава государства, вряд ли возможно. Отчасти оно объясняется тем обстоятельством, что последователями «кляйн-национализма» являются по преимуществу жители мегаполисов (особенно, Москвы), в которых оппозиционные настроения сильнее на порядок, нежели в российской глубинке, где, собственно и проживает основная масса этнических русских, интересы которых якобы и пытаются отстаивать данные «кляйн-националисты». Иначе говоря, пресловутое «велико незнание России» (а то и нежелание это знание приобрести) проявляется в полном объёме – в то время как основная масса населения (едва ли не в первую очередь это касается именно русских) настроена положительно по отношению к российскому государству и не видит никаких причин для уменьшения его территории (наоборот, видит опасность в распаде страны 57% россиян), политические силы, делающие попытки отстаивать интересы именно русских жителей страны, декларируют прямо противоположное, требуя уменьшения размеров государства. Впрочем, в свете воссоединения России и Крыма ситуация поменялась и в этом

направлении, поскольку основная масса адептов русского национализма неоднократно заявляла о своём положительном отношении к вхождению Крыма, как региона русской славы и доблести, а также территории с преобладанием русского населения, в состав России.

Литература

1. Бызов Л.Г. Политические цвета новорусского протеста // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1[107]. С. 27–32.
2. Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. Кунгур: Кунгурский печатный двор ПГФ, 2007. 388 с.
3. Горшкова В.В. Феномен русской духовности в контексте современного образования и воспитания // Педагогический журнал. 2013. № 1–2. С. 10–31.
4. Грачев Н. Суверенная демократия: социально-философский взгляд // Власть. 2011. № 2. С. 106–109.
5. Кудин В.А. «Духовный скреп» России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. Т. 4. № 56. С. 4–14.
6. Луговой А.Ю. Социокультурный аспект понятия «патриотизм» // Научные исследования в образовании. 2010. № 3. С. 26–28.
7. Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 316 с.
8. Молчанов С.Г. «Духовные скрепы»: инновационная технология социализации // Челябинский гуманитарий. 2013. № 1 (22). С. 66–85.
9. Павленко В. «Креативное меньшинство» против скреп государственности // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2010. Т. 243. № 4. С. 113–128.
10. Петрий П. О патриотизме и его созидательной силе // Безопасность Евразии. 2004. № 4 (18). С. 571–573.
11. Политология. Энциклопедический словарь /Общ.ред. и сост.: Ю.И.Аверьянов. М.: Московский коммерческий университет, 1993. 431 с.
12. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию 13 декабря 2012 г. // Российская газета. 2012. 13 дек. С. 2–4.
13. Работяжев Н.В. Феномен «право-левой» коалиции в России: Фронт национального спасения // ПОЛИС. 2004. № 4. С. 80–92.
14. Седова Н.Н. Отношение к патриотизму жителей крупного промышленного города // Социология города. 2012. № 4. С. 51–57.
15. Соловей В.Д. «Русский вопрос» и его влияние на внутреннюю и внешнюю политику России: Начало XVIII – начало XXI вв. Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. М., 2005. 454 с.
16. Угринов Е.А. Политическая партия «Единая Россия» и консервативная модернизация // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 393–398.
17. Фоменков А.А., Чадаева С.В. Особенности современной российской консервативной идеологии // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2013. № 4. С. 53–57.
18. Фоменков А.А. Русские националисты и распад СССР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 4-5. С. 163–165.
19. Фоменков А.А. Становление державнических организаций в СССР // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 1 (81). С. 279–285.
20. Чекменёва Т.Г. Кризис национальной идентичности в постсоветской России и

пути её преодоления // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. Т. 6. № 10. С. 35–38.